

Проза

Евгения Шевченко

Санарские байки

Хозяйка дома, баба Сара, собиралась уехать к племяннице в соседнюю деревню со смешным названием Радиомайка. Баба Сара была очень худой, старой и оттого похожей на Бабу Ягу. Как её звали по-настоящему, никто не знал. Сара – прозвище, а имя вроде татарское, затерявшееся в десятилетиях, как и её молодость. Говорили, была она красавицей. А теперь остались у неё только длинные волосы, заплетённые в косы и уложенные на голове венчиком. Уже несколько лет она их не расчёсывала и, когда ходила в баню к соседям – а у неё баньки не было, – мыла их, не расплетая.

Мы сговорились с ней о цене, потом баба Сара отказалась, потом опять согласилась, потом вновь передумала. Мы уже рукой махнули, но дом она нам всё же продала. Мы обживались, а она уехала в Радиомайку – и тут же вернулась обратно, только уже в гробу. Почему племянница привезла её из Радиомайки, непонятно. То ли они не поладили, то ли таким было желание Бабы Сары, только похоронили её в Санарке. Мы с мужем на похороны не пошли.

В эту же ночь я проснулась от стука в окно. Занавески я ещё не повесила, и сквозь стекло прекрасно было видно, что за окном стоит баба Сара. Худая, очень старая, косы прикрывает белый платок. Лицо спокойное, даже

умиротворённое. Ни дать, ни взять – Баба Яга, которая пришла из леса кушать детишек. Утром я решила, что это сон. А на следующую ночь опять проснулась от стука.

Баба Сара приходила ко мне целую неделю. Мужу я ничего не говорила – ждала, когда кончится наваждение. Однажды проснулась, а его рядом нет. Он стоял у окна и смотрел на улицу.

– Ты что? – спросила я нарочито спокойным голосом.

– Да девушка какая-то в окно стучится. Может, случилось что-нибудь?

– Какая ещё девушка?

– Волосы чёрные, длинные. На цыганку похожа.

Я подошла и из-за его плеча посмотрела в окно. За стеклом стояла баба Сара.

К утру мы приняли решение дом продать. Написали краской на воротах «продаётся», а сами пошли к деду Коле договариваться насчёт комнаты.

– Ну, это вы зря придумали, – сказал дед Коля. – Когда Сара к вам в следующий раз придёт, вы ей скажите: «Ты к нам не ходи, мы к тебе сами ходить будем». И больше вы её не увидите.

– И всё так легко и просто?

– Конечно, только обещание надо держать. Навещайте её могилку, убирайте, конфетки носите, печенки... Не

дело это, чтобы могила стояла заброшенной. У бабы Сары в Санарке родни нет. Думаешь, почему она дом продала? Рассчитывала на вас. А комнату я вам не сдам – раз у вас здесь своя могилка есть, вы уже не дачники.

Теперь, когда мы приезжаем в Санарку, то всегда навещаем могилку бабы Сары. Когда кто-нибудь из дачников спрашивает, кто она нам, мы коротко отвечаем – бабушка, а дом достался в наследство. Недавно дачники из Челябинска спросили нас, почему никто в Санарке им не продаёт дом – что за заколдованная деревня? А позже похвастались, что нашёлся-таки один одинокий дед, и скоро они ударят с ним по рукам.

Сто дней до приказа

Баба Дуся переехала из Борисовки в Санарку, потому что здесь у неё жили сестра с мужем, а там никого, кроме домового. Единственного внука как раз в армию забрали.

Поменялась она домами с тёткой, которая тоже хотела быть поближе к своей родне. Домового баба Дуся, как положено, забрала с собой. Испекла пирог, сказала нужные слова, в новом доме пирог разломала и за печку положила. Но что-то ему не понравилось. Сначала стал шуметь. Потом – вещи ронять. Дальше – хуже. Принялся щипать

до синяков и по ночам душить. Все знают, что первое средство от домового – мат. Навалится домовой на бабу Дусю и давай душить. Она еле рот откроет и просипит: «Мать-перемать, что ж ты, зараза, делаешь-то?» А когда отпустит, тут она его и по батюшке, и по матушке в хвост и в гриву отмахивает. А потом заплачет от обиды да опять спать ложится, но уж до первых петухов заснуть не может.

А днём по дому стук-перестук, будто на чердаке кошки дерутся, а в подполе картошкой кидаются; в буфете кружки да тарелки сами приплясывают. И молока она ему наливали, и кашку варила – всё без толку. И вот настала единственная ночь в году, когда своего домового можно увидеть. Сняла баба Дуся крестик, пошла на перекрёсток трех дорог, вокруг себя перевернула, слова нужные сказала и смотрит: вот он стоит, домовый. Батюшки, какой стал тощий да маленький, а с мордочкой что такое? Глаз заплыл, скула сворочена. Руки и ноги все в синяках да шишках. Всплеснула баба Дуся руками и повалилась без памяти на дорогу.

А когда очнулась, даже домой заходить не стала, пошла пешком в Борисовку. И напрямик к той тётке, с которой поменялась.

– Ты что же, сука такая, делаешь? Ты же своего домового не забрала. Он же меня чуть со свету не сжил, спасибо, мой заступался за меня. Но твой всё равно сильнее, потому что в своём доме живёт.

Ну, та и повинилась – мол, ленивый он у неё был да проказник, вот и не взяла. Испекли бабы пирог и поехали в Санарку на телеге. Забрала та тетка своего домового, и с тех пор баба Дуся живёт спокойно. С домовым у неё полное взаимопонимание. Бывает, баба Дуся письма из армии вслух читает, а домовой из-за печи ухаёт да ахает. Так вместе вечерок и скоротают. А вчера баба Дуся домовому сообщила, что осталось всего сто дней до приказа.

Поэзия

«Где свет обжигает и пальцы, и глину...»

Анастасия АЙВАЗОВА

Terra incognita

Если я спрошу – не отвечайте...
В смене закоренных километров
Просто – краем глаза – отмечайте
Постоянство времени и ветра.

Может быть, мы выявим заочно
Родину влюблённых
и скитальцев,
Между вопросительным и точным
Вчитываясь кончиками пальцев...

Всюду равновесие, точнее,
Длящееся головокруженье:
Если безмятежность, то под нею
Степи, искажённые движеньем;

Осень, становящаяся домом;
Птицы, не развеявшие бедствий;
Близость,
подступившая к простому
Полуотчуждённому соседству;

То, что никогда не повторится;
Что-то исчезнувшее...

Словом,
Всё, что вспоминается и снится
Пальм листьям
и пернатым вдовам.

Время молчания

...И лики ушедших опять оживут,
Наполнятся светом и тенью,
Лишь станет одна
из обычных минут
Минутой беззвучного пенья –

И шороха моря, и скрипа песка,
И скрипки, нашедшей иную
Мелодию ветра...
И тайна близка,
И волны ложатся вплотную.

...Ветшают столетья,
И свет без конца
Нисходит на новые лица.
И гулко в тиши отдаются сердца:
Минута молчания
Длится...

Последняя бессонница

Душе неймётся –
Там, здесь – везде.
Бессонно жмётся
Звезда к звезде.

И жутко долог
Ночной маршрут,
Где книги с полок
Меня берут,

Где сны сбегают
И где про них
Луна слагает
Свой белый стих.

...Рассветы, зимы
Для сонных глаз
Невыносимы –
В последний раз.

Незримая связь

...Может, и впрямь
суждено возвратиться
Тем, кто не чуёт
Земли притяженья? –
К мнущимся травам
и жалобным птицам –
В звёздной,
незыблемой тайне движенья...

Может, неважно,
что в гулкой разлуке
Нет адресов
для размётанных писем?..
В хрупком единстве,
как струны и звуки,
Мы всё равно
друг от друга зависим.

Надо лишь верить,
что тот, кто нам дорог,
Где-то под сенью
распахнутых створок
Зябко, тревожно, немного устало
Снова скользнёт под крыло одеяла,
Не прикрывая томительных глаз:
В музыке ветра предчувствуя нас...

Пыльные воды

Мы очень похожи на эту долину,
Где свет обжигает
и пальцы, и глину.
Где всё исчезает,
и в недрах гробницы
Всё то, что исчезло,
доныне хранится.

Песчаная буря, и небо грубеет,
И боги хоронятся в водах Евфрата.
И вновь охраняют жуки-скарабеи
Всех тех, что забыты,
но были когда-то.

Иллюзия

В разуплотнённом сумраке
У спутанных прядей костра,
Цепляющих комья,
Это был ветер
В иссечённых бурным щебнем
Дождливых ботинках –
Вечный путник
Без плоти,
Вне прошлого.

Слышал ли он,
Но я помню,
Как, задыхаясь, клялась
Притронуться к каждой
Из его обгагрённых дорог...

Вот только теперь
Это всего лишь сквозняк,
Вытянувший перед камином
Свои большие, гудящие ступни,
Не требующий подвига,
Не стоящий поклонения,
Слишком близкий.

Формула вдохновения

Иссякнет табак,
а пальцы устанут от хруста...
От лая собак
становится дико и пусто.

Выходишь во двор,
стоишь и стоишь у калитки,
и ждёшь приговор
ползущей по небу улитки.

Мучительно нем
и всё понимаешь, не так ли?
И знаешь, зачем
летят безмянные капли,

сбивая труху,
сбегая от сбивчивых будней,
где варишь уху –
солёную – после полудня.

Привычен, как ложь,
вдали цепенеющий город.

Обратно несёшь
дождём облусоленный ворот –

в размеренный быт:
в отчаянье – в скуку – в надежду...
Никто не забыт,
покуда не сожнуты вежды.

И слушаешь тишь,
уже заложившую уши,
не спишь и не спишь,
Процая заблудшие души...

Невербальное свидание

Так бывает, я знаю:
томит и влечёт,
И нет сил отойти – и не надо.
...Это то, что не смог
предсказать звездочёт –
Летаргический ход снегопада.

Поднимает,
несёт протаявшая взвесь,
Где невидимы хлопья и пегу;
Ты сегодня со мною повсюду –
и здесь,
В этом тёплом замедленном снеге.

Близко-близко
и так ненадолго вдвоём –
Всей ценой невербальных свиданий –
Мы вперёд и вперёд
без усилий плывём
Сквозь туманные абрисы зданий.

Как проникнуть –
свет снега настойчиво скуп,
И давно заколдовано место?.. –
В бесконечную тайну
чуть дрогнувших губ
И едва уловимого жеста...

Мы, наверно, живём
невозможной судьбой...
Размыкая объятье перчаток,
Я стою,
ты идёшь,
и скользит за тобой
Исчезающих слов отпечаток.